

С. А. ЭКШТУТ

БЫЛ ЦЕЛЫЙ МИР – И НЕТ ЕГО...

Рецензия посвящена обзору монографий А.В. Ганина по истории Генерального штаба в эпоху Первой мировой и Гражданской войны 1914-1922 гг.

Ключевые слова: Николаевская академия Генерального штаба, русский офицерский корпус, Первая мировая война, Гражданская война.

Репутация офицера Генерального штаба
должна быть без пушинки. (А.И. Куприн «Поединок»)

Каждый, кто хотя бы раз читал культовую книгу «красного» графа Алексея Алексеевича Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», наверняка запомнил нелюдиприятную реплику полкового товарища графа по Кавалергардскому полку, адресованную офицерам дореволюционного Генерального штаба. «Да, конечно, академия, – задумчиво ответил Чертков, – но не люблю я “моментов”. Так называли тогда генштабистов за пристрастие многих из них к таким выражениям, как “надо поймать момент”, “это момент для атаки”, и т.п.».

Доктор исторических наук Андрей Владиславович Ганин – один из самых результативных военных историков последнего десятилетия и, вне всякого сомнения, лучший знаток корпуса офицеров Генерального штаба периода Русской Смуты – вносит весьма существенное уточнение: «Однако нельзя исключать и игры слов, характеризующей быстрое продвижение офицеров Генштаба по службе»¹. Действительно, строевые офицеры к генштабистам относились плохо, не без основания считая всех «моментов» беспринципными карьеристами.

Вспомним мечты, которым предаётся армейский подпоручик Ромашов – герой повести А.И. Куприна «Поединок»: «И Ромашов поразительно живо увидел себя учёным офицером Генерального штаба, подающим громадные надежды... Имя его записано в академии на золотую доску. Профессора сулят ему блестящую будущность, предлагают остаться при академии, но – нет – он идет в строй. Надо отбывать срок командования ротой. Непременно, уж непременно в своём полку. Вот он приезжает сюда – изящный, снисходительно-небрежный, корректный и дерзко-вежливый, как те офицеры Генерального штаба, которых он видел на прошлогодних больших манёврах и на съёмках. От общества офицеров он сторонится. Грубые армейские привычки, фамильяр-

¹ Ганин 2013. С. 98.

ность, карты, попойки, нет, это не для него: он помнит, что здесь только этап на пути его дальнейшей карьеры и славы». Куприн очень точно описывает взаимную отчуждённость армейских офицеров и генштабистов. Грёзы подпоручика Ромашова, позволяющие ему «воспарить» над убогой действительностью, имеют весьма значимую особенность: для «момента» годится любой путь быстрого подъёма по служебной лестнице – будь то участие в грандиозных манёврах, подавление возмущения рабочих на сталелитейном заводе, шпионская миссия в Германии или участие в кровопролитной войне. «Блестящий офицер Генерального штаба Ромашов идет все выше и выше по пути служебной карьеры...».

С этим фрагментом литературного произведения прекрасно корреспондируются рассуждения члена Государственного совета Александра Александровича Половцова, который справедливо считается одной из политических «акул» царствования Александра III: «Самоуверенность – отличительная черта офицеров Генерального штаба»². Генштабистам савонник дал нелицеприятную характеристику, карикатурно злую, но точную. «Встречаясь в Государственном совете с офицерами Генерального штаба, я заметил, что они почти все отвечают одному типу. Получив в академии высшее военное образование, они вступают на действительную службу и привыкают смотреть свысока на рядовой военный материал, почитаемый ими столь несравненно низшим по умственному развитию. Этот взгляд они сохраняют впоследствии и переносят на всяких одиночно или сгруппировано встречаемых ими людей»³. Некоторые страницы книги «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”» воспринимаются как развёрнутый комментарий к цитированным отрывкам из Дневника Половцова и «Поединка» Куприна или другим классическим произведениям русской литературы, на страницах которых генштабисты позиционировали себя как замкнутую корпорацию, как армейскую элиту, живущую по своим особым законам. Даже в период Русской Смуты, когда страна оказалась на переломе, «моменты» продолжали отстаивать собственную исключительность. Вспомним «Дни Турбиных» и разговор, который состоялся у Елены с мужем – полковником Генштаба Тальбергом.

Елена. ...Ты вдруг бежишь на глазах у всех. Ловко ли это будет?

Тальберг. Милая, это наивно. Я тебе говорю по секрету – «я бегу», потому что знаю, что ты этого никогда никому не скажешь. Полковники генштаба не бегают. Они ездят в командировку. В кармане у меня командировка в Берлин от германского министерства. Что, недурно?

Елена. Очень недурно. А что же будет с ними со всеми?

² Половцов 2014. С. 242.

³ Там же. С. 309.

Тальберг. Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми.
Я не “все”.

Капитальная 880-страничная монография «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”» составлена из публикаций, объединённых общим сюжетом. В тщательно фундированной книге 2814 архивных сносков и обстоятельных подстрочных примечаний, многие из которых имеют самостоятельное значение и воспринимаются как вставные новеллы о людских судьбах. По сути, А.В. Ганин ценой невероятных многолетних усилий воскресил почти 7200 генштабистов. Еще недавно казалось, что от этих людей ничего не осталось в нашей исторической памяти.

Невероятно до смешного:
Был целый мир – и нет его...
Вдруг – ни похода ледяного,
Ни капитана Иванова,
Ну абсолютно ничего! (Георгий Иванов)

Для того чтобы вправить вывихнутый сустав времени, автору пришлось поработать в архивах России, Украины, Армении, Польши, Финляндии, США (в т.ч. в архивах спецслужб). Специалист по фалеристике не преминет заметить, отчего автор книги, в обязательном порядке подробно перечисляя знаки отличия того или иного генштабиста, не потрудился разъяснить читателю как все императорские и царские ордена ранжировались по старшинству, подчеркнув и подробно обосновав особый статус ордена св. Георгия и Георгиевского оружия. Читатель с развитым эстетическим чувством посетует на избыточный полемический задор автора, нередко превышающего пределы необходимой обороны. Однако в ближайшие годы никто не сможет написать более обстоятельную книгу о «моментах» в точке бифуркации российской истории.

В итоге читатели получили возможность погрузиться в труды и дни офицеров Генерального штаба: выдержать вместе с ними очень сложные вступительные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба («положительный результат при поступлении в академию зависел буквально от десятых долей балла»⁴), окончить основной и дополнительный курсы обучения, пережить судьбоносный момент причисления к Генштабу (Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А.И. Дутов неоднократно горько сокрушался, что ему после окончания академии было отказано в причислении к Генштабу, и в начале 1919 г. сказал бывшему сокурснику: «Да, Серёжа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать

⁴ Ганин 2013. С. 109.

и без марки, штемпеля генштабиста!»⁵), пройти по фронтовым дорогам Первой мировой войны и живо ощутить непростую ситуацию нравственного выбора в период Смуты. Само заглавие книги – контаминация ставших нарицательными фраз из названий трудов двух выдающихся генштабистов первой половины XX в. – Бориса Михайловича Шапошникова и Антона Ивановича Деникина. «Один сыграл крупнейшую роль в становлении Красной армии, другой – в становлении Белого движения»⁶.

Прочитав книгу «“Мозг армии” в период “Русской Смуты”», я убедился в том, что тот или иной нравственный выбор, который делали генштабисты в экзистенциальной ситуации, не был жёстко детерминирован, он допускает различные интерпретации и не может быть объяснён с вульгарно-социологических позиций. Роль случайности при принятии судьбоносного решения была исключительно велика. И мне вновь пришли на ум «Дни Турбиных». В первой редакции пьесы вернувшийся из Берлина Тальберг намеревается встать под знамёна Белого движения и говорит Елене: «В Берлине мне удалось достать командировку на Дон, к генералу Краснову... Я за тобой». Во второй редакции Тальберг принимает иное решение: «Я решил вернуться и работать в контакте с Советской властью. Нам нужно переменить вехи...» Вряд ли М.А. Булгаков руководствовался исключительно конъюнктурными соображениями. Скорее, он очень тонко почувствовал, что «момент» Тальберг, оказавшись на переломе, с одинаковой убедительностью способен обосновать свой переход как в ряды Белого движения, так и под знамёна Красной армии. Один из персонажей книги А.В. Ганина, избравший второй путь, обстоятельно аргументировал своё решение: «Я полагаю, что сейчас ни чины, ни годы роли не играют, сейчас идёт творческая работа. Ничего и никто Вам давать готовое не будет и не сможет. Каждый должен работой

⁵ Там же. С. 102. После успешного окончания академии не был причислен к Генштабу и А.И. Деникин. «Во время представления императору выпускников академии военный министр генерал А.Н. Куропаткин доложил Николаю II, что Деникин не причислен к Генштабу “за характер”. Император же, вместо того чтобы тут же разобраться с необычным инцидентом, в силу своего характера предпочёл ограничиться формальными малозначащими вопросами Деникину. К сожалению, подобное отношение к одному из выдающихся, как показала его дальнейшая служба, офицеров-генштабистов не делало чести военному руководству императорской России, для которого важнее справедливости было, чтобы офицеры не смели “своё суждение иметь”. При этом случай с Деникиным не был редким исключением. Аналогичным образом отнеслись при выпуске из академии к другому будущему генералу и талантливому военачальнику В.И. Селивачёву, которого не допустили в Генеральный штаб... из-за формы головы» (Там же. С. 476–477).

⁶ Там же. С. 5.

творить настоящее, а значит и будущее. Каждый сам себе голова. Нужно засучить рукава и приняться за чёрную работу. Что сделает, то твоё»⁷.

Новая книга А.В. Ганина «Закат Николаевской военной академии: 1914–1922» посвящена последнему периоду истории старой военной академии в эпоху Первой мировой и Гражданской войны, представляет зрелый плод усиленных изысканий и содержит массу драгоценных подробностей давно ушедшей эпохи. Мы узнаем, что были генштабисты из крестьян, из сословия потомственных почетных граждан, из хуторян, из семей священников⁸. В академии учили многому, даже тому, как правильно чинить карандаш⁹, но не учили разбираться в политических реалиях эпохи, в которую будущим офицерам Генштаба довелось жить.

Автор скрупулезно, буквально по дням, реконструирует последовательность событий, связанных с последним периодом существования главного высшего военно-учебного заведения Российской империи – Императорской Николаевской военной академии. Читая книгу, мы зримо, в мельчайших деталях и бытовых подробностях, представляем себе, как в годы Первой мировой и Гражданской войн в ней осуществлялась ускоренная подготовка офицеров на курсах военного времени, как было не просто в тыловом Петрограде жить и учиться этим офицерам, уже прошедшим испытание в боях Мировой войны и заслужившим боевые отличия. Наряду с военной стратегией они осваивали и азы стратегии выживания в большом городе. Один из таких курсовиков написал в дневнике: «Живи, как хочешь, сейчас каждый дворник получает гораздо больше меня, а жить ему легче и живет он, конечно, проще. Придется голодать...»¹⁰. Ситуация осложнялась тем, что большинство членов замкнутой и чрезвычайно щепетильной корпорации офицеров Генштаба высокомерно смотрели на курсовиков как на недоучек и «недоносков».

После Февральской революции академии предстояло пережить невиданное в анналах императорской армии событие – выборы начальника академии. Автор обстоятельно разъясняет современному читателю, какую психологическую ломку должны были пережить кадровые офицеры, впервые столкнувшиеся с этой демократической процедурой. Как отмечал профессор М.А. Иностранцев, «первоначально это казалось диким и даже невозможным, как всякое применение выборного начала в военных организациях»¹¹. Офицеры Генштаба ошупью искали наиболее эффектив-

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Ганин 2014. С. 499, 526, 508, 531, 512, 527.

⁹ Там же. С. 559.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Там же. С. 76.

ную для себя лично и в то же время безупречную с точки зрения корпоративной морали линию поведения в условиях начинающейся Смуты. Однако вскоре профессора академии и офицеры Генштаба примирились с идеей выборов начальника, убедив себя, что ничего криминального в этой процедуре нет: ведь избирают же университетские профессора своего ректора. На кону стоял вопрос о будущем «мозга армии». Разгорелись нешуточные страсти, развернулась ожесточенная борьба и беззастенчивая агитация. «Неизбежная при введении выборного начала политизация Генерального штаба порождала конфликты, корпорация утрачивала свою сплоченность. Итоги выборов оказали влияние и на дальнейшие взаимоотношения между соперниками»¹².

В итоге начальником академии стал полковник А.И. Андогский, чьи личные качества – поразительная дальновидность, житейская мудрость, умение дипломатично лавировать в постоянно меняющейся политической обстановке, уникальная способность налаживать отношения с политическими лидерами противоборствующих лагерей – позволили сохранить академию в условиях Смуты как уникальную боевую и культурную единицу. Благодаря энергичной деятельности Андогского академия эвакуировалась из Петрограда в Екатеринбург и Казань, затем в Томск и Владивосток, а после Гражданской войны была возвращена в Москву. Все это он делал «ради великой идеи – спасения академии»¹³. Однако Андогский не только не дождался признания со стороны недальновидных членов корпорации, стремящихся к сохранению «чистоты риз», но и понес невосполнимые репутационные потери, помешавшие ему занять высокий пост начальника штаба верховного главнокомандующего в армии адмирала Колчака. Один из его противников нелегально заявил: «Генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью, способен отлично устроиться при всяком режиме...»¹⁴. Назначение не состоялось... На примере драматической судьбы этого незаурядного человека, безвременного скончавшегося в возрасте 54-х лет в условиях непрекращающейся и ожесточенной травли, А.В. Ганин показывает роковую безысходность Белого дела, суровыми красками рисуя косность лидеров Белого движения, постоянное сведение ими личных счетов, дрязги и интриги, царившие в белой армии, напоминавшей «какой-то взбодороженный муравейник»¹⁵. Его вердикт вполне обоснован, хотя и суров. Оказавшись в рядах армии Колчака, «академия не повысила боеспособность колчаковских войск –

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 266.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же. С. 267.

для этого были нужны новые энергичные организаторы, которых трудно было отыскать в старом Генштабе»¹⁶. Все это вместе взятое, наряду со слабой проработанностью программных вопросов и узостью социальной базы, в значительной степени предопределило крах Белого дела.

Автор написал грустную книгу о последних годах существования «мозга армии» Российской империи. Как очень точно заметил один из героев этой книги: «Многие угасали как догоревшие свечи – лютые годы безвременья ускорили этот процесс горения, иные умерли почетной смертью храбрых на поле чести, иные погибли в большевистских застенках, иные доживают безрадостный остаток своей доблестной жизни на чужбине, в изгнании, но сохранившие свою солдатскую честь и незапятнанной свою шпагу...»¹⁷. Книги А.В. Ганина написаны специалистом для специалистов. Военный историк пожелал бы Андрею Владиславовичу *закрепления успеха* в операции по овладению обширным фактическим материалом, философ стал бы рассуждать о грядущем *обмирщении* полученных результатов. Я же искренне желаю автору продолжать избранную им интереснейшую тему и как можно скорее издать новую книгу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 880 с.: ил.
- Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии: 1914–1922. М.: Книжница, 2014. 768 с.: ил.
- Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / Сост., комм., вст. ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014.

REFERENCES

- Ganin A.V. «Mozg armii» v period «Russkoi Smuty»: Stat'i i dokumenty. M.: Russkii put', 2013. 880 s.: il.
- Ganin A.V. Zakat Nikolaevskoi voennoi akademii: 1914–1922. M.: Knizhnitsa, 2014. 768 s.
- Polovtsov A.A. Dnevnik. 1893–1909 / Sost., komm., vst. st. O.Yu. Golechkovoi. SPb., 2014.
- Экиштут Семен Аркадьевич**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. semenekshtut54@gmail.com

‘There had been a whole world – and it is no more...’

A review is devoted to the monographs by A.V. Ganin on the history of Russian General Staff during World War I and Russian Civil war.

Keywords: Nicolas General Staff Academy, Russian Officer Corps, World War I, Russian Civil war.

Semyon Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshtut54@gmail.com

¹⁶ Там же. С. 481.

¹⁷ Там же. С. 542.